

© А. Е. Козлов, И. И. Саженин

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.13)

УДК 81'33 + 81'27

ПРОВОКАТИВНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**А. Е. Козлов, И. И. Саженин (Новосибирск, Россия)*

Статья посвящена изучению провокации как особой тактики, стратегии, а также специфического свойства прагматически направленного дискурса. Актуальную проблему современной коммуникативной лингвистики представляет не только изучение эксплицитных вербальных провокаций, реализованных в диалогической речи, но и имплицитных, не осознанных либо говорящим, либо, что возможно значительно чаще, слушающим. С точки зрения авторов статьи, провокацию можно охарактеризовать как многовекторное и многоаспектное понятие. Провокация может являть собой коммуникативное намерение, однако в некоторых случаях, несмотря на последовавшую реакцию (прогнозируемую или непрогнозируемую), она может быть непреднамеренной. Вообще, коммуникативная ситуация провокации имеет один основной параметр – реакцию; остальные параметры можно считать опциональными. В ряде случаев это затрудняет саму возможность объективного лингвистического анализа. Данная проблема рассматривается на материале блогов, информационных ресурсов Новосибирской области, а также иных текстов, представляющих интерес с точки зрения лингвистического анализа и экспертизы.

Ключевые слова: конфликтный текст, лингвистический анализ, провокативный дискурс, лингвистическая экспертиза.

Современная теория дискурса утверждает в качестве его непреложного свойства коммуникативность [1]. Эта концепция, активно разрабатываемая как в зарубежной [10], так и отечественной [1; 7; 16] лингвистике,

позволила акцентировать внимание на экстралингвистических и паралингвистических факторах, иными словами, на том, что часто не эксплицитовано в тексте и может быть извлечено посредством специального анализа [4; 12].

* Статья подготовлена в рамках реализации грата РГНФ «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона (грант № 15-14-54001, тип проекта «а»).

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературы, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Саженин Игорь Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории обучения русскому языку и педагогической риторики, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: sajana84@mail.ru

В ряде случаев дискурс как сообщаемое и сообщающее коммуникантов может быть прагматически направлен и связан с провокацией, т. е. действием или действиями, производимыми с целью вызвать ответное действие/бездействие провоцируемого(ых). Кажется целесообразным выделить два основных вида провокации: 1) эксплицитная провокация как коммуникативное намерение (*удалось/не удалось вызвать ответные действия*); 2) непрямая или имплицитная провокация, возникающая в том случае, если цель сообщения иная, но ответные действия, реакции есть, в силу того, что само по себе сообщение содержит элементы, провоцирующие данные реакции.

Очевидно, в диалогических жанрах провокации часто возникают спонтанно как один из возможных вариантов ответа собеседнику. Провокации могут организовывать коммуникацию и быть связанными с коммуникативным намерением и прагматикой речевого акта. Наиболее очевидно это в масс-медийных диалогических жанрах, например, интервью. Несколько иначе данный принцип работает в монологической сфере. Здесь перед автором сообщения предстает обобщенный адресат, обладающий некоторым набором потенциаль-

ных интерпретаций¹. Часто различия определяются спецификой письменных и, в коммуникативной ситуации, речевых жанров.

Этот принцип остается неизменным и в масс-медийных жанрах, имеющих сегодня наибольшую популярность – блогах. До недавнего времени отсутствие сколько-нибудь функциональной юридической платформы делало это пространство неупорядоченным; сегодня ситуация начинает постепенно изменяться. Тем не менее, в современном воззрении блог остается «территорией личной свободы» и, судя по записям, часто ассоциируется у пишущего с дневником. Однако открытость этого дневника позволяет представить его как прагматический код или взаимосвязанную последовательность семантических точек; в этом отношении каждое высказывание как бы продолжает движение по определенному вектору² [5]. В итоге публичная интернет-коммуникация такого рода за последние десять лет превратилась в мощный инструмент влияния: как на общественное мнение, так и на судьбы конкретных людей. Более того, информация, сообщаемая в блогах, нередко влечёт разного рода правовые последствия как для авторов-блоггеров, так и для «героев» их постов. Возможный вариант развития событий представляет далее обращение в

¹ При этом совершенно очевидно, что, например, моделируемый адресат «Критики чистого разума» Канта значительным образом отличается от целевой аудитории «Антихристианина» Ницше; равным образом, отличается и спектр возможного истолкования сообщения. В то же время логично предположить, что и у И. Канта, и Ф. Ницше есть общая прагматическая цель – найти (или создать) единомышленников, убедить читателя в правильности своего суждения, воздействуя как на уровне концептов (Кант), так и на эмотивном уровне (Ницше).

² Как пишет о соотношении семантики и прагматики М.Я. Дымарский, «...однако, согласившись с тем, что прагматика – это не более чем особый тип семантики, мы все равно остаемся перед вопросом о качественном различии между этими двумя типами семантики. Для достижения более удовлетворительной формулировки этого различия можно использовать аналогию с известной парой математических понятий – а именно с противопоставлением скалярных и векторных величин. В этом случае можно сказать, что прагматика – это векторная семантика» [5, с. 120].

судебные инстанции с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации, осуществление разного рода проверок надзорными и правоохранительными органами или возбуждение уголовных дел по соответствующим статьям уголовного кодекса Российской Федерации. Закономерно, что одним из значимых элементов в правовом поле является судебная лингвистическая экспертиза [2–3]. С точки зрения лингвистики, а точнее коммуникативной прагматики, поводом для обращения в суд в подобных случаях является провокация: говорящий сообщает публично о лице или о совокупности лиц некую информацию, которая *воспринимается* данным лицом или же совокупностью лиц как негативная по отношению к нему/к ним. При этом резко негативная реакция на информацию может быть вызвана чем угодно и определяется субъективной оценкой сообщаемого и индивидуальными, не всегда корректными, интерпретациями исходного сообщения. Ключевое слово здесь – «воспринимается», т. е. необязательно, что в сообщении действительно содержится некая информация, которую можно признать порочащей в юридическом или даже лингвистическом смысле этого слова.

Например, истец N. был крайне возмущен фразой в отношении собственной персоны: *N. большой мастер делать дерьмо чужими руками*. С точки зрения лингвистики, фраза содержит негативную информации об N. Однако фразеологизованная конструкция *делать дерьмо чужими руками* (ср. с антонимической в каком-то смысле конструкцией со сходной оценочной компонентой: *чужими руками жар загребать*) не содержит фактуальной информации и в силу этого равным счетом ничего не сообщает адресату. Это высказывание, несмотря на утвердительную форму, не может быть как-нибудь точно проинтерпре-

тировано, ему невозможно присвоить параметр истинности. Однако именно оно стало катализатором для обращения «героя» материала в правоохранительные органы.

Итак, провокация – многовекторное и многоаспектное понятие. Рассматривая провокативный акт с точки зрения субъектов коммуникации, можно констатировать, что, во-первых, провокация может являть собой коммуникативное намерение говорящего: *Я говорю это, чтобы получить реакцию R*, во-вторых, может быть непреднамеренной, однако с последовавшей реакцией R (см. выше об имплицитной и эксплицитной провокации). Иными словами, коммуникативная ситуация провокации имеет всегда один постоянный параметр – реакцию. Иные параметры опциональны (например, если реакция R была целью сообщения, или же, напротив, целью сообщения была реакция R, а получилась реакция R₁ и др.).

Итак, акт провокации всегда включает в себя реакцию, более того, само его существование определяется именно реакцией, при отсутствии которой, не может идти речи о провокации как о состоявшемся событии. Катализатором реакции может выступать план содержания некоего высказывания (сообщаемое) или иначе – диктумный компонент высказывания (*Депутат Иванов присваивает бюджетные деньги*); план выражения, т. е. форма подачи информации, стилистический компонент высказывания (*Депутат Иванов – конченая мразь и жулик*); или же и то, и другое (*Депутат Иванов притырил ранее шпионерские бюджетные деньги, как заправская крыса*). Для суда в рамках дел по клевете и разбирательствам, связанным с защитой чести и достоинства, важными являются следующие параметры высказывания/текста:

1) относится ли сообщаемая информация к конкретному лицу/совокупности лиц;

2) является ли сообщаемая информация негативной;

3) выражена ли сообщаемая информация в форме утверждения о факте, который можно проверить на соответствие действительности, или же являет собой оценочное суждение, мнение. Некоторым особняком в этом ряду стоят высказывания – оценочные суждения, содержащие фактическую ссылку (фактические основания) [11].

Согласно ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, «утверждение о фактах и событиях можно проверить на соответствие действительности; мнение, предположение и оценочное суждение не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, оценочные суждения, содержащие фактическую ссылку (фактические основания) иногда могут быть проверены на соответствие действительности»³. Заметим, что базовым компонентом, маркирующим «мнение» являются разного рода метапоказатели, эксплицирующие категориальное значение неуверенности, недостоверности⁴.

Основная проблема, далее рассматриваемая в статье, – возможность/невозможность

выявления коммуникативных намерений говорящего/автора в рамках провокативного дискурса, а также поиск механизмов, которые позволяют это осуществить. И если исследование речевых целей представляет достаточно простую операцию, то выявление коммуникативного намерения часто затруднительно из-за множества лингвистических и экстралингвистических показателей [8; 15; 18].

Проведя ряд наблюдений, мы решили отметить, что можно говорить о двух основных группах текстов, размещаемых в блогах. Оговоримся, что часто это определяется репутацией пишущего.

1. Приоритет дан диктумной информации. Автор сообщения отстраняется от происходящего, констатируя факты, имеющие место, с его точки зрения.

Подобным примером может быть статья «О росте благосостояния семьи Юрченко», получившая значительный резонанс и имеющая серьезные политические последствия. Точнее, события, связанные с отстранением губернатора НСО В. А. Юрченко, получили развитие после писем, отправленных в Следственный комитет. Примерно в это же время в пространстве *livejournal* появился статья, опубликован-

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика её применения (ст. 10); Конституция РФ; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года, № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; Маковей М., Чефранова Е. А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу выражения своего мнения. Прецеденты и комментарии. – М., 2001 и др.

Разграничение оценочных суждений, мнений и утверждений о фактах в провокативном дискурсе и конфликтном тексте представляет отдельную исследовательскую проблему, выходящую за рамки настоящей статьи.

⁴ В экспертной практике по делам, связанным с экстремистской деятельностью, также важным является такая характеристика информации, содержащейся в тексте, как негатив, но, кроме этого, обязательным является также проведение экспертной оценки речевых и коммуникативных целей сообщения [6; 17].

ная под именем М. Галокова, почти неизвестного в блогосфере Новосибирской области и Российской Федерации. Текст М. Галокова написан в официально-деловом стиле, при этом в тексте присутствуют как опечатки, так и ошибки, возникшие, судя по характерным признакам, в результате сканирования⁵.

01.02.2005 распоряжением №63-рк губернатора Новосибирской области «О Юрченко В.А.» Юрченко Василий Алексеевич с 01.02.2005 назначен на государственную должность 1 Новосибирской области – исполняющим обязанности первого заместителя главы администрации Новосибирской области.

До этого времени близкими родственниками Юрченко В.А. было зарегистрировано 3 юридических лица

в целях строительства инженерной инфраструктуры путем их перечисления на счета ГБУ НСО «Управление капитального строительства», а затем – на счета ОАО «ППП».

Статья М. Галокова представляет довольно неоднозначное явление в свете лингвистического исследования. Большинство читателей этого материала, судя по комментариям, жаловалось на затруднения при прочтении. Данная информация представлена в необработанном для коммуникации виде: совершенно очевидно, что опубликовавшие ее люди не преследовали своей задачей информировать как можно большее количество читателей.

⁵ Очевидно, что представленные опечатки связаны с распознаванием сканированного текста. Если опечатка в слове ГБУ (ГБУ) возможна в связи с тем, что клавиши Б и Б находятся рядом на клавиатуре, то написание

Скорее, должна была возникнуть иллюзия конфиденциальной информации, буквально «слитой», ставшей гласной и потому интересной читателям. Кроме того, появление такого материала в блогосфере давало негласную возможность для региональных и столичных СМИ сослаться на представленную информацию (при условии снятия категоричности и с использованием соответствующего модуса осторожности) без репутационных потерь.

2. Приоритет дан модусной информации, диктумная информация содержит ряд намеков.

Примером такого типа является статья «Меньше есть и больше пахать», опубликованная на новосибирском портале «Сибкрай». Автор В., присутствуя на конференции ППС вуза N, высказала ряд соображений по поводу происходящего мероприятия.

В. начинает с перечисления причин, приводя аргументы различного веса и качества:

При этом зарплату поднимать никто не собираются, и сам вопрос поднятия зарплаты на повестке не стоит. Что как бы прямо противоречит Трудовому Кодексу, но обходить ТК вуз научился в совершенстве, и вполне способен предъявлять руководству красивые цифры о средней зарплате ППС (профессорско-преподавательского состава) в 35 тыс. рублей, при том, что большинство сотрудников не получают и 15.

Используя метапоказатель «как бы прямо», В., с одной стороны, включается в игру с читателем (учитывая так называемые мемы, объединенные «как бы»/«как бэ»), с

Новосибирской области находит однозначное объяснение.

другой, – используя метапоказатель в прямом значении, указывает на неуверенность в сообщаемой информации. Разбивая коммуникативный смысл на два предложения, В. использует констатирующую интонацию и тем самым сохраняет диктумную информацию в первом предложении. В то же время при критическом разборе становится совершенно очевидным произвольное использование метонимии: факт единичной конференции ППС возводится здесь в нечто большее; у читателя может возникнуть ощущение, что «вопрос поднятия зарплаты», вообще не стоит на глобальной повестке дня.

Следующая причина, указываемая В., – небольшое, с точки зрения автора статьи, количество преподавательских ставок и – с той же точки зрения – излишнее количество обслуживающего персонала.

Поскольку преподавателей в университете всего лишь 525 ставок, а число разнообразного чиновничества, похоже, больше, то у «чиновников» голосов больше, чем у преподавателей.

При этом последняя группа получает обобщенное наименование «чиновничество» (слово снабжено кавычками только во втором словоупотреблении), что явным образом работает на определенный фактор адресата, актуализируя множество негативных коннотаций. Эта актуализация находит развитие в следующем предложении высказывания: *«Кроме того, штат не преподающих работников сильно раздут, поскольку необходимо трудоустроить всех детей, кумов, сватов, любовниц и т. д.»*. Заметим, что в этой пропозиции причины дано однозначное объяснение, при этом перечислительный ряд, следующий после слова «поскольку», явным образом связан с концептом «коррупция» (неслучайно ряд

представляет градацию: дети (прямая степень родства) – кумовья, сваты (косвенные связи) – любовницы (связи, не являющиеся родственными, обычно порицаемые обществом). Вероятно, поэтому модератор блога (или сам автор статьи) после слов *«сильно раздут»* скорректировал высказывание, поставив *[причина удалена цензурой]*.

В дальнейшем изложении материала В. неоднократно использует слово «фальсификация», называя так голосование, происходящее на конференции: *администрация решила на фальсификацию общих собраний, сознательная фальсификация* и т. д. Заметим, что иногда автор становится несколько более осмотрительным и своих суждений: *Очевидно, настолько действительно, что на двух факультетах администрация решила на фальсификацию протоколов общих собраний, и два делегата не обнаружили себя в списках.* Используемое слово «очевидно», указывает здесь на точку зрения автора сообщения, в то же время, избранный метапоказатель провоцирует читателя на согласие с предоставляемой информацией.

Из этого может последовать отдельная история, хотя в данный момент я не могу понять корысти идти на сознательную фальсификацию и позориться перед преподавателями, когда один делегат все равно ничего не решает. Смысл?

Указание на «я» во втором приведенном фрагменте также снимает категоричность. Автор статьи подчеркивает, что не может (или «как бы» не может) понять прагматических причин, таким образом, снимая с себя ответственность за написанное.

Довольно часто В. использует высокую степень категоричности, называя ППС вуза N.

крайне предсказуемым сообществом и подчеркивая, что почти каждый человек зависит от распределяющей руки. В ряде случаев автор практически нарушает черту повседневной этики общения, обращаясь к инвективам. Так, ректор вуза N., по оценке В., ...накидал нам в уши тегов. Речь ректора в данном случае уподоблена действию автомата, не управляющего своим языком (вместо слов – теги), сочетание «накидал нам в уши» также имеет различные значения, в чем можно убедиться, обратившись к словарю.

Об учебном заведении, в котором, как следует из контекста, В. работает, сообщается: «Но это необходимо, чтобы вуз работал и жил, а не имитировал жизненные процессы, чтобы решения конференции были легитимными в глазах работников, чтобы не росла социальная напряженность». Перевод высказывания в оптативную модальность, правда, без использования сослагательного наклонения, своеобразно сочетается с показателем категоричности «необходимо». Приводится своего рода «автонарративный» фрагмент, в котором автор сообщения становится действующим лицом:

Далее слово взяла я, постаравшись донести идею, что данный проект предлагает увеличение обязанностей при той же низкой зарплате, а голосовать за этот проект – означает голосовать за имитацию жизненных процессов вуза. Написать 200 тезисов за месяц – имитация. Отчитываться о средней зарплате в 35 тыс – имитация. Собрать конференцию заранее согласных, дав им неделю на чтение проекта – имитация.

Троекратно используемое слово «имитация», наряду с использованным выше словом – «фальсификация» устанавливает очевидный

знак тождества между этими понятиями. Обращаясь к косвенной речи – как бы сказанной в другой момент и при другой аудитории, В. тем самым показывает и неизменность своих суждений и особое право на выражение точки зрения. В результате, по оценке В. произошедшее мероприятие можно назвать *выхолощенной конференцией*.

Заметим, что запись В. как известного блогера «Сибкрай» и сотрудника вуза N. снабжена фотографическими материалами, которые дополнительно работают на подтверждение всего описанного в статье. На этих фотографиях можно увидеть членов ППС, что подчеркивает то, что сообщаемая информация соотносится с действительно произошедшим событием и имела место в определенном месте и определенном времени. Последнее изображение, взятое В. в качестве подписи, – скан-копия документа о заработной плате. Это изображение уже на уровне визуального кода работает на достижение определенного коммуникативного намерения, которое будет описано далее.

Кажется очевидным, что автор статьи В. осуществляет ряд коммуникативных намерений:

- 1) сообщить о происходящем событии;
- 2) сообщить о происходящем событии со своей точки зрения;
- 3) указать на нарушения устава вуза и государственного закона в происходящем событии;
- 4) сделать факт нарушения устава вуза и государственного закона гласным;
- 5) поставить под сомнение репутацию членов ППС;
- 6) намекнуть на необходимость реформ;
- 7) найти читателя, готового к активным действиям;

- 8) *AutoPR* – автор сообщения активно влияет на формирование и утверждение своей репутации [9; 18].

На наш взгляд, коммуникативные намерения 3–7 могут быть рассмотрены в контексте провокативного дискурса. Не обладая абсолютно точной информацией, В. подает ее как «существующую с высокой долей вероятности». Чтобы приблизить свои высказывания к истинным, В. подчеркивает факт личного присутствия на мероприятии и последовательно излагает «фабулу» собрания. Однако как следует из комментариев к статье В., другие участники конференции ППС вуза N. оценивают эту ситуацию иначе. Обращение автора статьи к инвективам и словам, содержащим высокий коннотативный потенциал, безусловно, работает на достижение коммуникативного намерения. В этом случае совершенно очевидно происходит столкновение объективной информации с ее субъективной оценкой и представлением как события. На наш взгляд, В., осознавая себя как известного блогера и социально ангажированное лицо, могла привлечь своей статьей не только потенциальных оппонентов – участников конференции и иных членов ППС, не согласных с излагаемой позицией, но и людей, не знакомых с ситуацией и ее деталями.

На другом примере мы бы хотели проиллюстрировать реализацию автором такой цели, как создания негативного образа за счет особого использования метапоказателей категории неуверенности и уступительных конструкций. Героем материала является новосибирский бизнесмен N.

Похоже, примерно в это время у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием, которое первоначально он всерьез и не воспринимал.

Информация, содержащаяся в высказывании, является негативной, поскольку захватнические действия в системе ценностей современного общества оцениваются негативно. Метатекстовый показатель модусной категории неуверенности «*похоже*» относится к той части высказывания, в которой говорится о времени возникновения у N. желания взять «Рога и копыта» под единоличный контроль. Иными словами, автор сообщает, что мысль о захвате компании возникла в период ее расцвета (*К концу 2006 года «Рога и копыта» закономерно становится крупнейшей компанией отрасли в России. Похоже, примерно в это время у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием...*), но в том, что такая мысль возникла, автор уверен: «*у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием*». Таким образом, информация о желании N. установить единоличный контроль над фирмой «Рога и копыта» представлена в утвердительной форме. Несмотря на наличие метапоказателя «похоже» высказывание воспринимается читающим субъектом как утвердительное. Тем не менее, содержательная сторона данного утверждения такова, что проверить истинность или ложность сообщаемого не представляется возможным, т. к. речь идет о ментальной деятельности (*мысль созрела*). Автор в действительности может лишь предполагать возникновение такого желания у N., но при отсутствии должной рефлексии такая особенность высказывания не учитывается, и за счет этого формируется нужный автору образ: N. давно планировал установить единоличный контроль, т. е. осуществить захват компании. Сформировав у читателя образ последовательного захватчика, автор получает «сторонника», поскольку особенность восприятия человеком информации такова,

что каким бы развитым ни было логическое мышление – оценка производится на эмоциональном уровне, и в дальнейшем весь логический аппарат работает на поиск тезисов, подтверждающих «правоту» изначального впечатления.

N. из партнера по бизнесу все более явно обозначается как нелояльный к компании арендодатель и кредитор, хотя везде заявляет о себе как о главном акционере компании

Данное высказывание является повествовательным сложноподчиненным предложением с уступительным придаточным. В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части. Это значит, что в придаточной части либо сообщается о неблагоприятном условии, о препятствующем обстоятельстве), либо в этой части заключен контраргумент (или поправка, корректив), опровергающий либо ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части [13]. В главной части предложения сообщается, что N. становится нелояльным компании кредитором. В придаточной говорится, что N. позиционирует себя на публике как главного акционера. Таким образом, действия, осуществляемые N., противоречат его положению (главный акционер) и его действиям по самопрезентации. Автор материала имплицитно обозначает идеальную ситуацию и сравнивает ее с реальной. В идеальной ситуации лицо, являющееся главным акционером, заинтересовано в развитии компании, значит, действия данного лица в отношении компании конструктивны и носят созидательный характер. В представленной автором реальности

действия N. носят деструктивный характер, следовательно, это плохо. Факт несовпадения декларируемого статуса с реальными делами, соответствующими данному статусу, характеризует N. как нечестного человека (то, что он говорит, противоречит тому, что он делает). Лицо, чьи слова расходятся с делами, оценивается в обществе негативно.

N. обладает негативными свойствами, является нечестным человеком, поскольку, позиционируя себя как лицо, заинтересованное в успешном функционировании компании, предпринимает действия, препятствующие ее успешному функционированию (устанавливает слишком высокую арендную плату и выдает кредиты по завышенным ставкам). Данная информация является логическим следствием, вытекающим из синтаксической формы высказывания: метапоказатель *хотя* эксплицирует смысловое несоответствие того, что говорится в главной части тому, о чем сказано в придаточной:

субъект А говорит, что он Y;

Y не делает D;

субъект А делает D;

значит субъект А не Y.

Данная негативная информация является имплицитно выраженной. Автор не сообщает прямо, что N. обладает негативными свойствами, является лжецом, но подразумевает это. Верифицировать сказанное не представляется возможным: это оценочное суждение. Тем не менее, за счет актуализации несоответствия реального идеальному автор, не называя N. лжецом прямо, присваивает ему подобную характеристику. Иными словами, фраза *N. из партнера по бизнесу все более явно обозначается как нелояльный к компании арендодатель и кредитор, хотя везде заявляет о себе как о главном акционере компании* преобразуется в сознании читателя в образ N – лжец, нечестный человек.

Таким образом, можно констатировать, что одним из механизмов выявления коммуникативных намерений может быть «анализ результата», как определенного провоцируемого действия. «Анализ результата» – действие, напрямую связанное с комплексной оценкой коммуникативной ситуации в целом: кто говорит, кому говорит, в какой ситуации, каков предшествующий социально-культурный и событийный контекст высказывания. В случае, когда перечисленные параметры коммуникативной ситуации известны анализирующему субъекту, он может встать на позицию так называемого «наивного читателя» и сформулировать общее впечатление от материала; анализ же семантической структуры высказывания затем позволяет утвердить или же опровергнуть возникшее общее впечатление. При совпадении результатов структурно-семантического анализа с впечатлением можно констатировать, что коммуникативным намерением было сформировать у читателя именно данное впечатление.

В завершение хотелось бы привести пример еще одного высказывания. Для большей ясности мы опишем некоторые параметры коммуникативной ситуации: в финансовой структуре S. в отношении одного из сотрудников было возбуждено дело по факту хищения денежных средств. Иными словами, сотрудник имел статус подозреваемого, вина его на момент появления высказывания доказана не была. В то же время внутри компании руководством было распространено сообщение, в котором говорилось: «Сотрудник N. находится под подозрением, в тесной связке с ним работали также M. и R. Заметим, что M. и R. сами не имели статуса подозреваемых. По всем признакам данное сообщение принадлежит к речевому жанру предостережения, результатом же стали репутационные издержки M. и R., с которыми прекратились рабочие

контакты. Коммуникативная цель данного предостережения (определяемая самим жанром) – предостеречь от возможных последствий, вероятность которых отнюдь не стопроцентная; рекомендовать быть внимательнее в определенных условиях, однако результатом стало формирование у адресата образа мошенников (M. и R.). Иными словами, впечатление и реакция адресата после ознакомления с высказыванием одни, структурно-семантический анализ же демонстрирует отсутствие подобного коммуникативного намерения.

Подводя итог, подчеркнем:

1. Можно констатировать векторную природу провокации как составляющей провокативного дискурса вне зависимости от намерения говорящего. Вводимое разграничение между имплицитными и эксплицитными провокациями позволяет повысить объективность независимого лингвистического анализа, расширить спектр возможных интерпретаций исходного сообщения.
2. Вербальные провокации, реализованные на диктумном уровне, чаще всего относятся к эксплицитному типу и могут быть проверены на соответствие действительности. Следовательно, наиболее велики репутационные потери, возникающие вследствие реализации подобной провокации в масс-медийной среде или блогосфере.
3. Вербальные провокации, реализованные на модусном уровне, несмотря на декларируемое соответствие действительности, транслируют это соответствие в модусе возможного/предполагаемого. Такой тип сообщения часто позволяет говорящему избежать правовых (и иных экстралингвистических) последствий, но в то же время репутационные потери, которые несет объект матери-

ала нивелируются слабо вследствие психофизиологических особенностей восприятия информации читающим субъектом.

В заключение отметим, что изучение провокативного дискурса как особого типа общения имеет определенный практический

смысл. Решение этого вопроса в дальнейшем, предположительно, может способствовать усовершенствованию методологического аппарата лингвистической экспертизы⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н. Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. **Баранов А. Н.** Авторизация текста: пример экспертизы (приложение 3) // Цена слова. – М.: Галерея, 2002. – С. 356–364.
3. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: Теоретические основания и практика. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 592 с.
4. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2005. – 148 с.
5. **Дымарский М. Я.** Прагматика как векторная семантика // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 118–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11>
6. **Ефремов В. А.** Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 41–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03>
7. **Кубрякова Е. С.** О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 23–33.
8. **Культура** русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003.
9. **Лаппо М. А.** Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 30–39.
10. **Новое** в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / пер. с англ., сост. и ред.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
11. **Памятка** по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 104 с.
12. **Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А.** Современный русский язык. – М.: Международные отношения, 1995. – 446 с.
13. **Русская** грамматика: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
14. **Саженин И. И.** Словарный корпус как элемент оптимизации исследовательского процесса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 120–127.

⁶ Одним из способов усовершенствования существующих методик может быть создание

специального корпуса прагматически маркированной лексики [14].

15. **Словарь** русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения 20.05.15)
16. **Степанов В. Н.** Провокативный дискурс массовой коммуникации: дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб.: СПбГУ. – 230 с.
17. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02>
18. **Трипольская Т. А., Гончарова Е. А.** Динамические процессы в лексиконе языковой личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06>

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.13)

Kozlov Alexey Eugenievich, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Russian and Foreign literature, Theory of literature and Methodic of Literature Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Sazhenin Igor Igorevich, Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: sajana84@mail.ru

PROVOCATIVE DISCOURSE AS OBJECT OF LINGUISTIC INVESTIGATION

Abstract

The article is devoted to investigation of different types of provocation (as tactic, strategies and characteristic of pragmatically directed discourse). In our mind, consideration of the explicit verbal provocation and implicit provocation too are constituted the problem of cognitive linguistic and theory of communicative acts. On our opinion, provocation may be characterized as multipronged and multi-dimensional phenomenon of everydayness communication. Frequently provocation presents a communicative intention, but in some cases it may be unintended. As a general rule, reaction is main parameter of the communicative situation provocation; other parameters can be considered optional. In some cases it is difficult to the very possibility of objective linguistic analysis. This problem is seen on the material blogging, information resources (media sphere or mass-media) of the Novosibirsk region, as well as other texts that are of interest from the point of view of linguistic analysis and examination.

Keywords

Conflicted discourse, linguistic analysis, provocative discourse, linguistic examination

REFERENCES

1. Arutunova N. D. Discourse. *Linguistic dictionary*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1990. pp. 136–137. (In Russian)
2. Baranov A. N. *Authorization of text. The price of words*. Moscow, Galerya Publ., 2002. pp. 356–364. (In Russian)
3. Baranov A. N. *Forensic linguistic examination of text: theory and practice*. Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2007, 592 p. (In Russian)
4. Galperin I. R. *Text as object of linguistic investigation*. Moscow, ComBooks Publ., 2005. 148 p. (In Russian)
5. Dymarskiy M. Y. Pragmatic as vector semantics. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2, pp. 118–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11> (In Russian)
6. Efremov V. A. Dictionaries of substandard language in lingvo expert practice. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2, pp 41–49 DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03> (In Russian).

7. Kubryakova E. S. On the term “discourse” and behind it the structure of knowledge. *Language. Personality. Text*. Moscow, Languages of the Slavic culture Publ., 2005, pp. 23–33. (In Russian)
8. *Culture of Russian speech: Collegiate Dictionary Directory* (Ed.: Ivanova L. Y., Skovorodnikova A. P., Shiryaev E. N). Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2003. (In Russian)
9. Lappo M. A. Essence of identity and methods of analysis in the linguistic / psycholinguistic research. *Questions of psycholinguistics*. 2014, no 2, pp. 30–39. (In Russian)
10. *New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language*. Moscow, Progress Publ., 1988. 320 p. (In Russian)
11. *Instruction on the appointment of forensic linguistic expertise* (Ed.: Gorbanevsky M. V). Moscow, Medeja Publ., 2004, 104 p. (In Russian)
12. Rozental D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. *Modern Russian*. Moscow, Foreign Relations Publ., 1995, 446 p. (In Russian)
13. *Russian Grammar: in 2 vol.* Vol 2. Moscow, Science Publ., 1980, 714 p. (In Russian)
14. Sazhenin I. I. Vocabulary corpus as element of optimization of research. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no 2, pp. 120–127. (In Russian)
15. *Dictionary of Modern Language: in 4 vol.* Moscow, Russian Language Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (accessed 20.05.15) (In Russian)
16. Stepanov V. N. *Provocative discourse of mass communication*. Saint Petersburg, 230 p. (In Russian)
17. Tripolskaya T. A., Bulygina E. Y. Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02> (In Russian)
18. Tripolskaya T. A., Goncharova E. A. Dynamic processes in the lexicon of a language personality. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014, no. 3, pp. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06> (In Russian).